

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 128

30 июня 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя Т., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Т. (вх. № ... от ...) в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 15 апреля 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 года № 6 «О соглашении на уголовную защиту» и Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 года № 7 «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в осуществлении защиты Т. 07 и 08 ноября 2025 года по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве отдела по расследованию особо важных дел СУ по СВАО ГСУ СК России по городу Москве, в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, предусматривающего участие адвоката П. в деле в качестве защитника Т. лишь 07 и 08 ноября 2025 года;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом

П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в невнесении полученных в ноябре 2025 года денежных средств в размере 70 000 рублей за юридическую помощь, оказанную Т. 07 и 08 ноября 2025 года, в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

3) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в невнесении полученных от доверителя Т. в ноябре 2025 года денежных средств в размере 400 000 рублей в счет оплаты работы по заключенному Соглашению № ... от 10 ноября 2025 года об оказании юридической помощи в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

4) о нарушении адвокатом П. п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (Адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя), что выразилось в получении адвокатом П. 07 декабря 2025 года от доверителя Т. на личные нужды 700 USDT;

5) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе Т. без даты (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Т. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. За период, прошедший после предыдущего заседания Совета, когда рассмотрение дисциплинарного производства было отложено с предоставлением его участникам возможности мирного урегулирования, адвокат П. с ним не связывался. Лишь накануне данного заседания Совета адвокат П. сообщил Т., что постарается вернуть денежные средства в первых числах июля 2026 года. Считает, что с учетом тяжести совершенных адвокатом П. нарушений, а также невозвращения им в течение длительного времени всей суммы полученных денежных средств к нему необходимо применить меру дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката. До заседания Совета Т. представил письменные пояснения (вх. № ... от ...) с приложенными к ним снимками экрана, подтверждающими переводы 6 509 USDT и 6 101 USDT, в которых просил Совет учесть, что им осуществлялись переводы на предоставленный адвокатом П. личный криптовалютный кошелек в рамках достигнутых между ними договоренностей, что

подтверждается их перепиской, ранее направленной в материалы дисциплинарного производства.

Адвокат П., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил, отношения к заключению Квалификационной комиссии не выразил, сообщил посредством смс-сообщения о том, что в заседании участвовать не будет, что подтверждается служебной запиской от 30 июня 2026 года. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката П.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым изменить основание прекращения дисциплинарного производства в части одного из дисциплинарных обвинений, как описано ниже. С остальными выводами Квалификационной комиссии Совет соглашается.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

07 ноября 2025 года старшим следователем отдела по расследованию особо важных дел ... ГСУ СК России по городу Москве майором юстиции И. в отношении Ж. и неустановленных лиц было возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ. В этот же день в 16 часов 30 минут Т. был задержан по подозрению в совершении указанного преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, о чем следователем по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел ... ГСУ СК России по городу Москве майором юстиции Г. в 16 часов 35 минут 07 ноября 2025 года был составлен протокол задержания. Задержание Т. произведено с участием защитника – адвоката П., который вступил в уголовное дело, предъявив удостоверение и Ордер № ... от 07 ноября 2025 года, выданный Московской коллегией адвокатов «К.». В соответствии с указанным ордером адвокату П. поручается защита Т. «в ... г. Москвы ГСУ СК РФ». В качестве основания выдачи ордера указано: «соглашение». При этом соглашение на защиту Т. адвокатом П. в письменной форме не заключалось, а 08 ноября 2025 года он получил от жены доверителя – Т. 70 000 рублей наличными в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи. Данные денежные средства адвокат П. в кассу или на расчетный счет адвокатского образования не внес и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций с его средствами.

07 ноября 2025 года с 17 часов 02 минут по 17 часов 23 минуты Т. был допрошен в качестве подозреваемого, затем с 17 часов 30 минут по 18 часов 15 минут между подозреваемым Т. и обвиняемой Ж. была проведена очная ставка, после чего Т. было предъявлено обвинение, и с 18 часов 38 минут по 18 часов 45 минут он был допрошен в качестве обвиняемого. При

проведении 07 ноября 2025 года перечисленных следственных и иных процессуальных действий защиту Т. осуществлял адвокат П.

08 ноября 2025 года с 13 часов 09 минут по 13 часов 52 минут состоялось судебное заседание Останкинского районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следственного органа об избрании в отношении обвиняемого Т. меры пресечения в виде домашнего ареста. Ходатайство было удовлетворено судом. Защиту обвиняемого Т. в суде осуществлял адвокат П.

После проведения 07 и 08 ноября 2025 года указанных процессуальных действий между Т. и адвокатом П. было подписано Соглашение от 10 ноября 2025 года № ... об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат П. принял на себя обязательства по осуществлению защиты Т. на стадии предварительного расследования уголовного дела №

24 ноября 2025 П. получил от Т. 6 101 USDT [USDT – это обозначение криптовалютного токена компании Tether – Примечание Совета], а 26 ноября 2025 года – 6 519 USDT путем осуществления переводов на его счет.

07 декабря 2025 года адвокат П. также получил от Т. 700 USDT под предлогом необходимости оказания помощи своему другу, находящемуся за границей, то есть на личные нужды.

22 декабря 2025 года Т. на имя следователя И. было подано собственноручное ходатайство от 22 ноября 2025 года [*Такой месяц указан в ходатайстве – Примечание Совета*] об отказе от защитника – адвоката П. После этого адвокат П. защиту Т. не осуществлял.

Заявитель Т. выдвигает против адвоката П. следующие дисциплинарные обвинения:

1) во вступлении 07 ноября 2025 года в вышеуказанное уголовное дело в качестве защитника Т. и осуществлении его защиты два дня – 07 и 08 ноября 2025 года за 70 000 рублей в отсутствие заключенного письменного соглашения, а лишь на основании устной договоренности;

2) в невыдаче финансовых документов, подтверждающих получение 70 000 рублей за юридическую помощь, оказанную Т. 07 и 08 ноября 2025 года;

3) в невыдаче финансовых документов о получении 400 000 рублей в счет оплаты работы по заключенному Соглашению от 10 ноября 2025 года № ... об оказании юридической помощи;

4) в уклонении от оказания юридической помощи и в неявке 22 декабря 2025 года в ... ГСУ СК РФ по городу Москве для участия в допросе Т. в качестве обвиняемого;

5) в похищении у Т. путем обмана и злоупотребления доверием, с использованием полномочий адвоката, денежных средств в сумме более 1 000 000 рублей, а также в получении от Т. на личные нужды 700 USDT для помощи другу.

Адвокат П. в ходе дисциплинарного разбирательства все выдвинутые дисциплинарные обвинения отрицал. Указывал, что 07 ноября 2025 года принял поручение на осуществление защиты Т. от жены последнего. В этот

день с его участием были проведены следственные действия, Т. был задержан на 48 часов, а 08 ноября 2025 года судом в отношении Т. с участием адвоката П. была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. За указанные выше действия по осуществлению защиты Т. он 08 ноября 2025 года получил оплату в размере 70 000 рублей от жены Т. – Т., с которой у него «была договоренность». Указал, что 10 ноября 2025 года было подготовлено соглашение на осуществление защиты Т., которое подписано последним. Гонорар по данному соглашению наличными в размере 400 000 рублей он не получал. Получение от Т. переводов в криптовалюте 24 ноября 2025 года на сумму 6 101 USDT и от 26 ноября 2025 года в сумме 6 519 USDT не отрицает, однако утверждал, что эти платежи не имели никакого отношения к заключенному соглашению об оказании юридической помощи. Перевод 07 декабря 2025 года в размере 700 USDT года на его счет был связан с необходимостью оказания помощи другу, находящемуся за границей. 22 декабря 2025 года Т. отказался от его услуг в качестве защитника, более никаких следственных действий с его участием не проводилось, об их проведении следователь его не уведомлял. Считает, что нарушений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката им допущено не было.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в ненадлежащей формализации адвокатом П. отношений с доверителем, Совет отмечает следующее. Согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем (п. 1), которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу (п. 2); к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относятся (п. 4): указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (пп. 1); предмет поручения (пп. 2); условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно (пп. 3); порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно (пп. 4); размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения (пп. 5).

Ранее Совет неоднократно указывал, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица,

обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17).*

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).*

Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены и, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном итоге подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту (См. *Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. Выпуск № 11-12 (13-14). Москва. С. 18).*

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением, исполнением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принимать меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся как к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, так и к надлежащему оформлению полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям

законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов в рамках указанных правоотношений, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

В п. 1 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем» указывается, что бездействие адвоката, выразившееся, в том числе, в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации. В п. 4 указанного Обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 17 // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы (<<https://www.advokatymoscow.ru/>>).*

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных средств (вознаграждения за юридическую помощь или компенсации расходов), адвокат в период действия соглашения с доверителем имеет возможность устранить допущенные нарушения.

Кроме того, в Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 года

№ 6 «О соглашении на уголовную защиту», опубликованных в Вестнике и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы (<http://www.advokatymoscow.ru>), указано: «Сама возможность для адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, стратегия и тактика профессиональной защиты предопределяются логикой стадийного построения уголовного судопроизводства. Заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката» («Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск №№ 6–7(116– 117). С. 14–15; «Вестник Адвокатской палаты города Москвы. Специальный выпуск» // Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 126–128).

Аналогичная позиция содержится и в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 года № 7 «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования», утверждённом Советом 29 сентября 2014 года (Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125). С. 7-8. Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 128-129).

Эти Разъяснения приняты Советом в пределах его компетенции и подлежат безусловному исполнению всеми адвокатами города Москвы в соответствии с требованиями пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. не оспаривает, что 07 и 08 ноября 2025 года он осуществлял защиту Т. при производстве перечисленных выше процессуальных действий в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, и получил за оказанную юридическую помощь 70 000 рублей, которые не внес в кассу адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ, подтверждающий проведение операций с его денежными средствами. Факт невнесения адвокатом П. 70 000 рублей в кассу адвокатского образования подтверждается ответом адвокатского образования на письменный запрос Адвокатской палаты города Москвы (вх. № ... от ...).

Адвокат П. также пояснил, что поручение на защиту Т. 07 и 08 ноября 2025 года он принял от его супруги – Т., с которой договорился «о защите ее мужа разово», в указанные два дня, за 70 000 рублей. От нее же он и получил указанную денежную сумму. В свою очередь, заявитель Т. указанные объяснения адвоката П. не подтвердил, последовательно утверждая, что именно он согласовывал с адвокатом П. условия участия последнего 07 и 08

ноября 2025 года в проведении первоначальных следственных действий, а его супруга – Т. только передала адвокату П., которого нашли родственники Т., 70 000 рублей в счет оплаты его работы. Данное обстоятельство подтверждается и тем, что в дальнейшем письменное соглашение с адвокатом П. заключил сам Т., а не его супруга.

Адвокат П. каких-либо доказательств согласования условий осуществления защиты Т. с супругой последнего не представил, и его объяснения по этому поводу носят голословный характер. Более того, в любом случае, осуществляя защиту Т. в отсутствие письменного соглашения, адвокат П. не мог не понимать, что не исполнил профессиональную обязанность перед доверителем по надлежащей формализации правоотношений. Таким образом, Т. как доверитель адвоката П., которому последним оказывалась юридическая помощь, имеет право выдвижения соответствующих дисциплинарных обвинений.

Совет также отмечает, что п. 3.1 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката прямо предусматривает право адвоката принимать денежные средства в оплату юридической помощи по соглашению за доверителя от третьих лиц (с ведома доверителя). При этом оплата вознаграждения адвокату третьим лицом не делает такое лицо доверителем адвоката.

Оценивая профессиональное поведение адвоката П. на предмет его соответствия приведенным выше требованиям законодательства и профессиональной этики, Совет отмечает, что эти требования им нарушены, поскольку он осуществлял защиту Т. 07 и 08 ноября 2025 года в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, а только на основании устного соглашения, которое к тому же предусматривало фрагментарное участие адвоката П. в осуществлении защиты Т. – только в указанные два дня. Кроме того, получив за осуществление защиты Т. в эти дни денежные средства в размере 70 000 рублей, адвокат П. не внес их в кассу адвокатского образования и не выдал Т. финансовый документ по проведению финансовых операций с его денежными средствами.

Эти нарушения адвокат П. в период оказания Т. юридической помощи не устранил. Как указано выше, соглашение в письменной форме на защиту Т. заключено 10 ноября 2025 года и действовало лишь с этой даты, а не с 07 ноября 2025 года.

Первоначально отрицая получение от Т. 400 000 рублей в счет оплаты работы по Соглашению от 10 ноября 2025 года № ..., адвокат П. впоследствии, после поступления от заявителя Т. дополнительных пояснений от 08 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), скорректировал свою защитительную позицию и в дополнительных письменных объяснениях от 14 апреля 2026 года (вх. № ... от ... и вх. № ... от ...) сообщил, что: «Изначально в жалобе Т. указал, что осуществил мне оплату по соглашению наличными денежными средствами, что не соответствует действительности». Таким образом, не отрицая сам факт получения от Т. 400 000 рублей, адвокат П. указал на получение их не в наличной, а в иной форме.

Совет также отмечает, что согласно пункту 6.2 Соглашения от 10 ноября 2025 года № ... оно вступает в силу с момента подписания его сторонами и уплаты Доверителем вознаграждения Адвокату, предусмотренного пунктом 3.2, а в пункте 3.2 Соглашения вознаграждение адвоката П. установлено именно в размере 400 000 рублей. При этом адвокат П. подтверждает, что после заключения с Т. указанного Соглашения он осуществлял защиту последнего и совершал в его интересах различные действия. В подтверждение этого довода адвокат П. представил копии трех ходатайств, заявленных им следователю И. 11 декабря 2025 года в защиту Т. (вх. № ... и вх. № ... от ...).

Из представленной заявителем в материалы дисциплинарного производства переписки в мессенджере (вх. № ... от ...) усматривается, что 13 ноября 2025 года в 19 часов 02 минуты Т. направил абоненту с телефонным номером ***** сообщение следующего содержания: «И завтра тогда соглашение подпишем», – на которое в 19 часов 16 минут получил ответ: «Отлично». На следующий день, 14 ноября 2025 года, в 12 часов 31 минуту Т. направил абоненту с телефонным номером +7(***)***-**-** сообщение следующего содержания: «(имя отчество), доброе день. В какое время ожидать вас?», на которое в 12 часов 32 минуты получил ответ: «Добрый день. До 14:00 буду», а в 13 часов 43 минуты еще и сообщение «30 минут». Представленная заявителем переписка в мессенджерах адвокатом П. не оспорена. Кроме того, он подтвердил принадлежность ему телефонного номера +7(***)***-**-**, по которому Т. направлялись сообщения.

Из этой переписки следует, что Соглашение от 10 ноября 2025 года № ... об оказании юридической помощи было подписано между Т. и адвокатом П. 14 ноября 2025 года. При этом из последующей переписки Т. и адвоката П. усматривается, что после подписания Соглашения адвокат П. исполнял поручения заявителя по получению в правоохранительных органах изъятого у него паспорта и банковских карт, получению записей с камер видеонаблюдения и данных биллинга.

Оценивая приведенные доказательства в их совокупности, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что Соглашение от 10 ноября 2025 года № ... об оказании юридической помощи вступило в силу и исполнялось адвокатом П. Следовательно, предусмотренные пунктом 6.2 Соглашения условия его вступления в силу, включая получение адвокатом П. вознаграждения, были исполнены.

При этом, как указано выше, факт невнесения адвокатом П. 400 000 рублей в кассу адвокатского образования подтверждается ответом адвокатского образования на запрос Адвокатской палаты города Москвы (вх. № ... от ...).

Учитывая правильно установленные Квалификационной комиссией и изложенные выше обстоятельства, Совет приходит к следующим выводам:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной

этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 года № 6 «О соглашении на уголовную защиту» и Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 года № 7 «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» исполнении адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в осуществлении защиты Т. 07 и 08 ноября 2025 года по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве отдела по расследованию особо важных дел ... ГСУ СК России по городу Москве, в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, предусматривающего участие адвоката П. в уголовном деле в качестве защитника Т. лишь 07 и 08 ноября 2025 года;

– о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в невнесении полученных в ноябре 2025 года денежных средств в размере 70 000 рублей за юридическую помощь, оказанную Т. 07 и 08 ноября 2025 года, в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в невнесении полученных от доверителя Т. в ноябре 2025 года денежных средств в размере 400 000 рублей в счет оплаты работы по заключенному Соглашению от 10 ноября 2025 года № ... об оказании юридической помощи в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката П. в долговую зависимость перед доверителем, Совет отмечает, что оно нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Так, из представленной заявителем переписки с адвокатом П. усматривается, что 07 декабря 2025 года в 10 часов 32 минуты адвокат П. в мессенджере направил Т. сообщение следующего содержания: «Доброе утро. Вопрос: есть возможность 700 usdt мне закинуть, я вам кэш в среду отдам. Другу надо помочь за границей)», – на которое Т. в 10 часов 32 минуты отвечает: «Сергей, доброе утро! Да, возможно», «Напишите трс его». В 10 часов 35

минут адвокат П. направил Т. следующее сообщение: «На мой, я перешлю», – на которое Т. в 10 часов 35 минут ответил: «Готово».

Из представленного Т. скриншота экрана смартфона усматривается, что 07 декабря 2025 года им был осуществлен платеж в размере 700 USDT (примерно 699,72 долларов США) на криптокошелек *****, принадлежащий адвокату П. Последний получение от Т. 07 декабря 2025 года перевода в размере 700 USDT не оспаривает, как не оспаривает и представленную Т. переписку между ними.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что 07 декабря 2025 года адвокат П. получил взаймы от своего доверителя Т. 700 USDT под предлогом необходимости оказания помощи своему другу, находящемуся за границей, то есть на личные нужды.

Совет отмечает, что заявитель Т. ясно указал в жалобе и последующих пояснениях, а также подтвердил доказательствами, что адвокат П. при описанных обстоятельствах получил от него на личные нужды 700 USDT, которые не вернул. Не обладая знаниями в области права и адвокатской этики, заявитель не обязан давать правовую оценку поведения адвоката П. в данной части. По этой причине органы адвокатского самоуправления при рассмотрении данного дисциплинарного обвинения вправе и обязаны дать самостоятельную правовую оценку данному дисциплинарному обвинению, которое выдвинуто заявителем и нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат П., в нарушение установленного п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката прямого запрета адвокату ставить себя в долговую зависимость перед доверителем, получил от доверителя Т. 07 декабря 2025 года на личные нужды 700 USDT, чем поставил себя в долговую зависимость от последнего. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

Вместе с тем, выдвинутое заявителем Т. дисциплинарное обвинение в завладении адвокатом П. денежными средствами путем обмана и злоупотребления доверием не может быть рассмотрено по существу в настоящем дисциплинарном производстве в силу следующего.

Заявитель в ходе дисциплинарного разбирательства уточнил эти доводы жалобы, пояснив, что для «решения вопроса» по уголовному делу с привлечением третьих лиц, инициированного адвокатом П., он перевел последнему на принадлежащий ему криптокошелек 24 ноября 2025 года 6 101 USDT, а 26 ноября 2025 года 6 519 USDT. «Решить вопрос» не удалось, однако полученные средства адвокат П. заявителю Т. не возвратил.

Кроме того, как указано выше, 07 декабря 2025 года по просьбе адвоката П., который гарантировал возврат указанной суммы, Т.

дополнительно перевел ему 700 USDT на личные нужды. Эти средства адвокат П. заявителю Т. также не возвратил.

Из представленной заявителем переписки с адвокатом П. действительно усматривается, что последний по просьбе заявителя дважды сообщал ему реквизиты своего криптокошелька в мессенджере Telegram «*****». Кроме того, адвокат П. на вопрос Т.: «есть положительные новости?» – ответил: «Положительная новость от них ценой 0,26 BTC» [*Речь идет о 0,26 биткоина – Примечание Совета*]. На это сообщение Т. ответил: «Нужно решать без этого, так как я косвенно тут иду», – а адвокат П. написал: «Будем думать». Затем адвокат П. спрашивает у Т., сможет ли тот «скинуть ему полтинник», а также сообщает о том, что в этот день он отдаст половину, а «на неделе» – остальное. На что Т. отвечает: «Да, процесс тогда уже сегодня запустится?» После положительного ответа адвоката П. Т. произвел платеж на сумму 6 101 USDT. Кроме того, из переписки усматривается, что в 16 часов 52 минуты 01 декабря 2025 года адвокат П. направил Т. сообщение следующего содержания: «Канторские дело на контроль поставили, если сегодня между собой не договорятся, то пока ничего не выйдет!», а в 18 часов 57 минут – «Завтра в 9:00 встречаемся в ведомстве будем договариваться. Скажут, кто и что хочет в нашем деле. Я после сразу к Вам заеду, чтоб по телефону не болтать!!!».

Таким образом, существо доводов заявителя в данной части сводится к совершению адвокатом П. противоправных действий, связанных с получением от Т. денежных средств для разрешения ситуации по уголовному делу коррупционными способами. При этом оценка действиям адвоката П., которыми он поставил себя в долговую зависимость перед доверителем, уже дана выше.

В этой связи Совет отмечает, что, согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 года (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://www.fparf.ru>>, компетенция Квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ. Оценка же названных доводов в дисциплинарном порядке не входит в компетенцию органов адвокатского самоуправления. По этой причине в данной части дисциплинарное

производство подлежит прекращению не вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, как указала Квалификационная комиссия в своем заключении, а вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката П. от оказания Т. юридической помощи, Совет учитывает, что в соответствии с положениями пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Уклонение адвоката П. от оказания ему юридической помощи заявитель усматривает в том, что адвокат П.: после получения денег стал выходить на связь нерегулярно, неоднократно обещал приехать для обсуждения хода дела и дальнейших действий, однако фактически этого не происходило; впоследствии перестал выходить на связь и заблокировал телефонный номер Т. для входящих звонков; не явился 22 декабря 2025 года для участия в допросе Т. в качестве обвиняемого.

Вместе с тем, доводы жалобы в указанной части, за исключением довода о неявке адвоката П. 22 декабря 2025 года для участия в допросе Т. в качестве обвиняемого, носят неконкретный характер, а каких-либо доказательств в подтверждение данных доводов заявитель не представил. При этом адвокат П. против этих доводов жалобы возражал. Доказательства проведения с участием Т. следственных и иных процессуальных действий после заключения Соглашения от 10 ноября 2025 года № ..., в том числе и 22 декабря 2025 года, как и доказательства извещения адвоката П. о каких-либо планируемых в указанный период процессуальных действиях, в материалах дисциплинарного производства также отсутствуют. При этом уже 22 декабря 2025 года Т. отказался от защитника – адвоката П.

Помимо этого, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что после заключения Соглашения от 10 ноября 2025 года № ... адвокат П. был на связи с Т., выполнял его поручения по получению в правоохранительных органах изъятых у Т. паспорта и банковских карт, по получению записей с камер видеонаблюдения и данных биллинга, заявлял с этой целью соответствующее ходатайство следователю.

Имеющееся в материалах дисциплинарного производства заявление Т. об отказе от адвоката П. датировано 22 декабря 2025 года, то есть днем

допроса Т. в качестве обвиняемого. Учитывая, что время подачи данного заявления в нем не указано, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что оно было подано Т. до его допроса в качестве обвиняемого, а не после него. Доказательства обратного в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. В этой связи у адвоката П. отсутствовали как обязанность, так и правовые основания участия в процессуальных действиях после отказа от него доверителя.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и злостный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил оказания профессиональной юридической помощи и оформления договорных отношений с доверителем, финансовой недобросовестностью, несовместимой с достоинством профессии и доверием к адвокату и адвокатуре. Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат П. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката П. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества, наносящим ущерб авторитету адвокатуры и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

Совет учитывает значительный профессиональный стаж адвоката П., однако не усматривает оснований для применения к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление П. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может

быть прекращен по решению Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он является, на основании Заключения Квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого адвокат П. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности П., считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату П. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 года № 6 «О соглашении на уголовную защиту» и Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 года № 7 «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившееся в осуществлении защиты Т. 07 и 08 ноября 2025 года по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве отдела по расследованию особо важных дел ... ГСУ СК России по городу Москве, в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, предусматривающего участие адвоката П. в деле в качестве защитника Т. лишь 07 и 08 ноября 2025 года;

– неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившееся в невнесении полученных в ноябре 2025 года денежных средств в размере 70 000 рублей за юридическую помощь, оказанную Т. 07 и 08 ноября 2025

года, в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившееся в невнесении полученных от доверителя Т. в ноябре 2025 года денежных средств в размере 400 000 рублей в счет оплаты работы по заключенному Соглашению № ... от 10 ноября 2025 года об оказании юридической помощи в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– нарушение п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (Адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя), выразившееся в получении 07 декабря 2025 года от доверителя Т. на личные нужды 700 USDT.

Установить срок, по истечении которого П. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе Т. (вх. № ... от ...):

в части дисциплинарного обвинения в хищении П. у Т. денежных средств в сумме более 1 000 000 рублей, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков